

"Евгений Онегин" по праву считается основным, центральным произведением Пушкина. Работа над ним, продолжавшаяся около восьми с половиной лет (9 мая 1823 г. - 5 октября 1831 г.), падает на период наивысшего расцвета творчества Пушкина-поэта (в дальнейшем он все больше и больше обращается к прозе).

В "Евгении Онегине" нашел свое наиболее полное воплощение один из значительнейших замыслов поэта: дать образ "героя времени", типический портрет современника - человека нового, XIX столетия. Замысел этот возник у Пушкина почти сразу же после окончания первого большого его произведения - сказочно-романтической поэмы "Руслан и Людмила".

Всего через несколько месяцев после завершения "Руслана и Людмилы" Пушкин начинает писать свою первую южную поэму "Кавказский пленник", главной задачей которой было, по его собственным словам, олицетворить в образе героя "отличительные черты молодежи XIX века". Однако Пушкину удалось осуществить это далеко не с той степенью полноты и широты обобщения, к которой он стремился. Реалистическое в существе споем задание вступало в противоречие с приемами в средствами романтической поэтики, самым значительным представителем которой в мировой литературе того времени был Байрон и которой Пушкин здесь следовал. Субъективно-лирический метод "писания" портрета героя с самого себя не мог привести к созданию объективного образа-типа широкого общественно-исторического охвата. Препятствовала этому и характерная для жанра романтической поэмы нарочитая загадочность, недосказанность авторского повествования о герое, окружавшая его образ особым таинственным ореолом. Художественная задача, поставленная Пушкиным, требовала для своего полноценного разрешения и другого творческого метода, и иной жанровой формы. "Характер главного лица... приличен более роману, нежели поэме, - писал Пушкин о герое "Кавказского пленника", - да и что за характер? Кого займет изображение молодого человека, потерявшего чувствительность сердца в несчастиях, неизвестных читателю..." (черновик письма к Н. И. Гнедичу от 29 апреля 1822 г.; см. т. 9). И вот год спустя после этого письма Пушкин принимается за работу над "романом в стихах" - "Евгением Онегиным".

Задание, которое ставит себе Пушкин в "Евгении Онегине", аналогично заданию "Кавказского пленника". В образе главного героя романа Пушкин опять хочет изобразить "отличительные черты молодежи XIX века", которые он пытался раскрыть в характере Пленника. В предисловии к изданию первой главы "Евгения Онегина" (1825) Пушкин и сам говорит, что характер "главного лица" нового произведения "сбивается" на характер Пленника (см. раздел "Из ранних редакций"). В основе фабульной линии, связанной с "главным лицом", в значительной степени лежит та же сюжетная схема:

Онегин, как и Пленник, покидает "свет", уезжает из столицы; в иной, патриархальной среде встречается с юной и чистой девушкой; оказывается неспособен разделить и даже понять и оценить ее большое чувство. Однако, при наличии этой непосредственной преемственной связи, тем значительнее и принципиально важнее существенное различие этих произведений. К осуществлению одного и того же замысла Пушкин идет теперь совсем иным, по существу прямо противоположным путем и, в соответствии с этим, облекает свое новое произведение совсем в иную жанровую форму. Эта форма - не поэма, а "роман в стихах" - подсказана Пушкину Байроном - его стихотворным романом "Дон Жуан", который Пушкин считал лучшим творением английского поэта.

При первом же своем упоминании о работе над "Евгением Онегиным" Пушкин сообщал: "Пишу не роман, а роман в стихах - дьявольская разница. Вроде "Дон Жуана"..." (письмо П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 г.; см. т. 9). Однако, когда года полтора спустя .А. Бестужев, познакомившись в рукописи

с первой главой "Евгения Онегина", стал сравнивать ее с "Дон Жуаном", Пушкин, который написал к этому времени уже около четырех глав своего романа, энергично отклонил правомерность такого сопоставления: "Ты сравниваешь первую главу с "Дон Жуаном". - Никто более меня не уважает "Дон Жуана" (первые 5 песен, других не читал), но в нем ничего нет общего с "Онегиным"" (письмо Бестужева Пушкину от 9 марта 1825 г. и ответ Пушкина от 24 марта; см. т. 9).

Эти, казалось бы исключаящие друг друга, утверждения на самом деле оба справедливы. Лиро-эпическая форма пушкинского "романа в стихах" с его "смесью прозы и поэзии в изображении действительности" (Белинский), непрерывными авторскими "лирическими отступлениями", афористическими суждениями и высказываниями на самые разнообразие темы, непринужденной поэтической "болтовней", ироническим тоном и веселым, порой пародическим пересмеиванием устарелых, но еще бытующих литературных традиций, действительно очень близка к "Дон Жуану". Но по существу Пушкин не только не следует Байрону, но и прямо противопоставляет свой роман произведению английского поэта-романтика.

При сходстве манеры повествования "Евгений Онегин" и "Дон Жуан" представляют собой два совершенно различных вида романа. Действие "Дон Жуана" перенесено в прошлое - в XVIII в. По фабуле это - любовно-авантюрный роман с галантными приключениями условно-литературного героя. "Евгений Онегин" - роман о современности, о пушкинском "сегодняшнем" дне, - произведение, которое заимствует все свое содержание - образы действующих лиц, картины быта, природы, -из непосредственно окружавшей поэта действительности.

Читая пушкинский роман в стихах, мы все время ощущаем присутствие автора, который неизменно выражает свое личное отношение к совершающемуся, дает свою оценку всему, о чем он рассказывает и что показывает в своем произведении, - героям, фабульным положениям, в которые они попадают, их реакции на это, их поведению, поступкам. Но поэт не смешивает воедино лирическое и эпическое начала, не подменяет образа героя самим собою, объект - субъектом. Нагляднее всего это сказывается на новом методе изображения "главного лица" романа, лица, в котором с наибольшей силой проявляются "отличительные черты молодежи XIX века" и который в силу этого особенно близок и родственен самому поэту. Перечисляя те "черты" в натуре Онегина, которые ему "нравились", указывая на известное сходство характеров и жизненных обстоятельств героя и самого себя (строфа XLV первой главы), Пушкин одиннадцатью строфами ниже столь же отчетливо подчеркивает и "разность" между собой и героем (строфа LVI). То, что говорится здесь о различном отношении автора и героя к природе, как бы последнее звено в целой цепи "разностей", которые то и дело выступают из предшествующего изложения (см., например, строфы XVII-XXII, в которых говорится о равнодушии и охлаждении Онегина к театру, балету и тут же, в лирическом отступлении, показано совершение иное, восторженное отношение к ним поэта). Отделение автора от героя дается не только в порядке субъективных деклараций, а и художественно-объективно, образно-осознательно. Не ограничиваясь, так сказать, бесплотным присутствием своим в строфах романа (которое все время дает себя знать в особой то лирической, то иронической, порой и той и другой вместе, интонации повествования и еще непосредственнее сказывается" в лирических отступлениях), поэт прямо объективирует себя, вводит в ряд вымышленных персонажей, в образно-художественную ткань романа, живописующую картину жизни петербургского общества "в конце 1819 г." (то есть незадолго до высылки Пушкина из столицы на юг), как точно датирует он действие первой главы в предисловии к ней. Это несомненно сообщает данной картине большей жизненности и полноты. По-видимому, с этой же целью поэт показывает (именно показывает, а не только называет.) в той же первой главе в числе друзей

Онегина и еще одно реальное лицо, для данной эпохи весьма выразительное, - своего близкого приятеля, кутилу и вольнодумца - гусара Каверина; позднее, в седьмой главе, в картину дворянской Москвы он подобным же образом включает характерную фигуру своего друга - поэта кн. Вяземского - рисует знакомство его с Татьяной. Отводя целых семь строф (строфы XLV-LI) из шестидесяти, составляющих первую главу, описанию своего знакомства и дружбы с Онегиным, - поэт наглядно демонстрирует читателю, что автор и герой не одно, а два лица, из которых каждое имеет свой особенный характер ("Я был озлоблен, он угрюм"), живет своей собственной жизнью. Снова и таким же точно приемом напоминает об Этом Пушкин читателю и почти в самом конце романа, в вынужденно исключенной из него предпоследней главе - о путешествии Онегина: герой и автор встречаются друг с другом в Одессе незадолго до ссылки поэта в Михайловское.

Во время подготовки к печати первой главы "Евгения Онегина" Пушкин вслед за текстом посылает набросанный им рисунок, иллюстрирующий XLVIII строфу, с ее характерным петербургским пейзажем (см. стр. 29). Настойчиво требуя приложения соответствующей "картинки" к печатному тексту первой главы, Пушкин, несомненно, хотел и зрительно закрепить в сознании читателей, что автор и герой - два разные лица.

Все это показывает, какое большое и важное значение придавал поэт выработанному им теперь и существенно новому по сравнению с "Кавказским пленником" объективно-реалистическому способу изображения человеческого характера. В одной из заключительных строф первой главы (строфа LVI), как бы теоретически осмысляющей опыт творческой работы над ною, он прямо противопоставляет себя "гордости поэту" - Байрону, демонстративно заявляя, что, в противоположность ему, он не "намарал" в лице героя своего собственного портрета, и добавляя: "Как будто нам уж невозможно // Писать поэмы о другом, // Как только о себе самом". В этих шуточных по тону строках по существу содержится серьезнейшая и с полной, отчетливостью сформулированная декларация того принципиально нового творческого пути, на который, отталкиваясь от субъективно-романтического метода Байрона, Пушкин становится уже в 1823 г. и который все больше и больше делается основным, магистральным путем его творчества.

Пушкин никогда не переставал высоко ценить сильные стороны свободолобивой и мятежной, исполненной неудовлетворенности и протеста поэзии Байрона. Вместе с тем Пушкин все критичнее относится к творческому методу великого поэта-романтика, который, по его словам, "бросил односторонний взгляд на мир и природу человеческую, потом отвратился от них и погрузился в самого себя. Он представил нам призрак себя самого. Он создал себя вторично... Он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), все, кроме некоторых сатирических выходов, рассеянных в его творениях, отнес он к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно пленительному" (заметка "О трагедиях Байрона", 1827 г.). В переполняющей последующие главы "Евгения Онегина" то явной, то скрытой полемике с этими сторонами творчества Байрона - его "унылым романтизмом", "безнадежным эгоизмом" его героев-индивидуалистов - Пушкин утверждает себя, свой взгляд на мир и людей, свой новый творческий метод. О том же, как далеко отходит Пушкин от Байрона к концу работы над "романом в стихах", яснее всего говорит его собственное признание, что глава о путешествии Онегина - по форме - пародия на сводившие его с ума лет десять назад и продолжавшие сводить с ума огромную часть его современников, как в России, так и на Западе, "Странствования Чайльд-Гарольда".

Метод объективного изображения героя, осуществляемый Пушкиным посредством целого ряда тонких художественных приемов, дает себя знать с первых же строф "Евгения Онегина". Вместо традиционно описательной экспозиции роман открывается как драматическое произведение - внутренним

монологом Онегина. Из этого короткого монолога сразу же выступают отличительные черты его характера. Это - человек острой и трезвой мысли, эгоист, скептик, даже циник, превосходно разбирающийся в "низком коварстве" - лжи и лицемерии патриархальных семейных связей и отношений. Подлинное отношение Онегина к умирающему дяде ясно из первых же его слов, перефразирующих строку известной басни Крылова "Осел": "Осел был самых честных правил". И вместе с тем Онегин считает себя вынужденным подчиниться этим сложившимся патриархальным связям, то есть, в свою очередь, лгать и лицемерить, сетуя лишь на сопряженную с этим скуку. Таким предстанет нам "главное лицо" романа и в один из самых ответственных моментов его жизни - в эпизоде дуэли с Ленским. Онегин сам прекрасно понимает, что он был неправ, зло подшутив над "робкой, нежной" любовью пылкого, восторженно-наивного поэта, к которому искренне, "всем сердцем" привязался. Но он находится во власти того самого "общественного мненья", предрассудков дворянской среды, всю ничтожность которых он полностью сознает: не только принимает вызов на дуэль, но и дерется со всем ожесточением - убивает друга.

Предоставив сперва слово герою, поэт вслед за тем вступает в свои права, берет слово сам. В романтической поэме при обрисовке характера Кавказского пленника Пушкин намекает на некое "грозное страданье", с которым пришлось померяться силами герою, на "бурную жизнь", которой он "погубил надежду, радость и желанье", заинтриговывая этим читателя, но не давая сколько-нибудь ясного представления о причинах утраты героем "чувствительности сердца", "преждевременной старости" его души. В противоположность этому в романе в стихах поэт с самого начала ставит перед собой и последовательно осуществляет задачу: "отыскать причину" такого душевного состояния героя-современника, добавляя, что это "давно бы" следовало сделать. Он никак не романтизирует это состояние, а наоборот, снимает с него ореол романтической "мировой скорби", дает ему гораздо более прозаическое обозначение - "скуки", "хандры", рассматривая его как нечто ненормальное, болезненное, как некий общественный "недуг", связанный не с неведомыми и "безыменными страданиями", а с конкретными условиями реальной отечественной действительности: "русская хандра".

Из рассказа о прошлом Онегина, сразу же прикрепляемого к точно определенной общественной среде, - столичному ("родился на берегах Невы") дворянско-светскому обществу, читатель узнает, как постепенно складывался характер героя: узнает о беспорядочной семейной обстановке и быте родительского дома мальчика Евгения, об его уродливом воспитании на иностранный лад, его возмужалости, суетном и бесплодном светском существовании. Читатель видит, что никаких "несчастий" с Онегиным не происходит. Наоборот, "забав и роскоши дитя", он проводит время "среди блистательных побед, // Среди всedневных наслаждений". Словом, в обстоятельствах его жизни не было решительно ничего романтически исключительного; напротив, они были сугубо типичными для людей данного общественного круга. Типические обстоятельства сложили и типический характер. Типичность характера Онегина сразу, при знакомстве с первой же главой пушкинского романа, бросилась в глаза современникам поэта. Онегиных, подчеркивал в рецензии на первую главу один из критиков, "встречаем дюжинами на всех больших улицах". "Я вижу франта, который душой и телом предан моде - вижу человека, которых тысячи встречаю наяву, ибо самая холодность и мизантропия теперь в числе туалетных приборов", - писал Пушкину А. Бестужев. Однако романтик Бестужев не понял всей реалистической сложности "главного лица" пушкинского романа в стихах.

Онегин - не просто "франт", "молодой повеса". Сам Пушкин неоднократно отзывается о своем герое иронически. Но своеобразный лиро-иронический тон - характерная особенность всего пушкинского романа в стихах, свидетельствующая о выходе Пушкина на совершенно самостоятельный творческий путь, об его

способности критически отнестись и к самой действительности, и к существовавшим до этого традиционным (в частности, и в особенности, - романтическим) способам и приемам ее литературно-художественного отражения. Поэт ни в какой мере не скрывает существеннейших недостатков своего героя, в которых отчетливо проступают родимые пятна его общественной среды, но в то же время подчеркивает и положительные стороны характера Онегина - "души прямое благородство", показывает, что по своему интеллектуальному складу он головою выше окружающих. Недаром поэт не только заявляет, что ему нравятся "черты" Онегина, но и делает себя в романе его задушевым другом. Не просто "мода" - и "русская хандра" Онегина, подобная, но отнюдь не тождественная байроновскому "английскому сплину". Томительная, неизбывная "скука" - неудовлетворенность окружающим - свойство, присущее ряду хорошо известных Пушкину передовых его современников. Достаточно познакомиться с таким характернейшим документом эпохи, как письма к друзьям основоположника русской элегической поэзии XIX в. Батюшкова. Тот же Батюшков в очерке "Прогулка по Москве" изобразил себя в качестве некоего своего "доброего приятеля", который "везде равно зевал". Не менее характерен дневник хорошо известного Пушкину декабриста Н. И. Тургенева, который так и озаглавлен им "Моя скука" и где он прямо называет скуку "болезнью, только гораздо опаснейшею телесной".

"Охлаждение" Онегина - не напускное чувство. Это лучше всего доказывается тем, что он вовсе оставляет "свет", уединяясь в своем кабинете. Но тут-то и сказывается "проклятое воспитание" Онегина гувернерами-иностранцами, которые учили его многому, но ничему не научили, а главное - не привили никаких навыков к труду. Светская жизнь утомила его своим бегом на место, своей занятостью без дела, а делать что-нибудь он не умел и не хотел: "Труд упорный ему был тошен". "Преданный безделью, томясь душевной пустотой" - слова, в которых указаны и причина и следствие - таким он предстает перед читателями в начале действия романа; таким - "Дожив без цели, без трудов // До двадцати шести годов, // Томясь в бездействии досуга" - остается Онегин почти на всем протяжении романа.

Бестужев был неудовлетворен тем, что Пушкин не изобразил своего Онегина в прямом столкновении "со светом, чтобы

в резком злословии показать его резкие черты", то есть не дал в его лице нечто подобное герою грибоедовского "Горя от ума" - Чацкому. Он, как и Рылеев, не считал Онегина подходящим героем для большого стихотворного произведения, предметом, достойным поэтического воспевания. Пушкин, наоборот, сразу же оценив великое значение грибоедовской комедии, именно образом Чацкого не был удовлетворен, не одобряя метода изображения героя как второго "я" автора, рупора авторских высказываний, от чего сам он решительно отошел в образе Онегина. Пушкин отметил, что агитационная функция роли Чацкого оказалась в противоречии с логикой образа: умный человек ведет себя неумно (см. письмо Пушкина к А. Бестужеву от конца января 1825 г., т. 9).

В последней главе романа поэт и прямо, почти полемически, противопоставляет в этом отношении грибоедовскому герою своего Онегина, который "попал как Чацкий с корабля на бал", но в противоположность грибоедовскому герою "не мечет бисера" перед великосветской "толпой": "Стоит безмолвный и туманный". Образ Чацкого исполнен декабристской патетики, что и Давало Герцену основание назвать его типом декабриста в русской литературе. Но по методу разработки он еще несколько сродни традиционному амплуа резонера. "Это Онегин-резонер", - замечает Герцен ("О развитии революционных идей в России"). Образ Онегина не только включает в себе неизмеримо более широкое обобщение, но и отличается более углубленной реалистической разработкой. Онегин - отнюдь не идеальный образец добродетелей, каким в значительной степени является Чацкий, напоминающий в этом отношении положительных героев фонвизинского "Недоросля", а сложное и противоречивое

сочетание многих положительных качеств и многих недостатков. Мало того, "типичный характер", показанный в "типичных обстоятельствах" {1}, Онегин отвечает и второму необходимому признаку реалистического образа, также указанному Энгельсом: он "тип, но вместе с тем и вполне определенная личность, "этот"..." {2}.

В допушкинской русской литературе уже имелись правдивые, порой реалистически очерченные образы, но данные лишь под одним, сатирическим, углом зрения. Это относится не только к Фонвизину, но и к Грибоедову, и к Крылову-баснописцу. В обрисовке характера Онегина Пушкин впервые художественно осуществил принцип всестороннего реалистического обобщения, представляющего органический сплав типического и индивидуального; овладел методом реалистической типизации не в узких рамках условного басонного жанра или сатирической комедии с ее также условными единствами места и времени, а в широкой вместительной раме романа, охватывающего почти всю жизнь героя.

В новом реалистическом качестве образ Онегина предстает уже в первой главе романа. Характер героя дан здесь не только в его настоящем, - в своем уже сложившемся виде, но показан и в истории его развития, в динамике становления, формирования. По дальнейшему ходу, в фабульном разворачивании романа, этот, уже сложившийся характер, "дорисовывается", выступает все отчетливее и яснее. В разнообразной житейской обстановке (в деревне, в кругу помещного дворянства, в странствиях по России, на великосветском рауте), в различных фабульных положениях (испытание дружбой, любовью, убийством друга) образ Онегина раскрывается всеми своими сторонами, отвечает всеми гранями. Наконец, в последней главе на этот образ накладываются некоторые новые черты, открывающие перспективы его дальнейшего развития, определяющие его возможную будущую судьбу, которая остается (по причинам, от автора, если не полностью, то в значительной степени не зависевшим) за пределами восьми глав романа.

Основной художественный прием, с помощью которого особенно рельефно вырисовывается характер Онегина, - прием контраста. На контрасте - сопоставлении противоположностей - строятся не только отношения "главного лица" со своей классовой средой (будь то грубые и невежественные соседи-помещики или блестящее и изысканное великосветское общество). Это как бы фон картины. На первом же ее плане - сопоставление с людьми наиболее ему близкими - Ленским, Татьяной.

Контраст между Онегиным и Ленским прямо и резко обозначен поэтом: "Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не так различны меж собой". Но тесно сошлись Онегин с Ленским, "стали неразлучны" друг с другом не только потому, что крайности сходятся. Ленский, как и Онегин, резко выделяется из окружающей среды и так же для нее чужероден и неприемлем. Оба они - представители новой, молодой России. Пылкий

и восторженный романтизм Ленского - явление в своем роде не менее характерное для передовой дворянской молодежи пушкинского времени, чем "охлаждение" и скептицизм Онегина. Достаточно вспомнить многочисленных русских романтиков-идеалистов того времени, типа Любомудров, или так называемых московских "архивных юношей", о которых Пушкин упоминает в седьмой главе "Онегина".

Для наибольшего прояснения характера Ленского - его пламенной восторженности, прямо противоположной охлажденному онегинскому скептицизму, Пушкин пользуется тем приемом своеобразного "историзма", который был применен им в отношении главного лица романа: ставит вопрос о "причине" возникновения этой черты и сразу же отвечает на него, показывает среду, в которой эта черта развилась. Пламенный романтизм Ленского, его наивная вера в "мира совершенство" - результат совершенной оторванности от реальной русской действительности. Романтизм Ленского - благоуханный цветок, но выращенный в "Германии туманной", на почве немецкой идеалистической

философии ("поклонник Канта") и немецкой романтической литературы - "под небом Шиллера и Гете", и особенно Шиллера, томик которого он недаром раскрывает "при свечке" - в ночь перед дуэлью.

Восторженная мечтательность "полурусского соседа" Онегина - Ленского, с его "прямо геттингенской" душой, полное отсутствие в нем чувства реальности тонко подчеркивается Пушкиным выразительной деталью. Подлинно поэтической, но похожей на других Татьяне с ее ярко выраженной "русской душой" он предпочитает заурядную Ольгу ("Любой роман возьмите и найдете верно ее портрет"). В этом отношении Онегин, совпадая с самим Пушкиным, гораздо зорче, гораздо ближе к реальности ("Я выбрал бы другую, когда б я был как ты поэт").

Наряду с образом "главного лица" - Онегина, образ Татьяны самый значительный и важный в романе. Исключительно ценный и значительный сам по себе, он вместе с тем выполняет важнейшую сюжетную и композиционную функцию, являясь в общей идейно-художественной структуре романа своего рода противовесом образу Онегина.

Отношения между Онегиным и Татьяной составляют основную сюжетную линию пушкинского романа в стихах. Однако в этой личной любовной фабуле таится далеко идущее содержание, именно в ней-то и заключен наиболее полный ответ на поставленный поэтом вопрос о печальном одиночестве главного лица романа в окружающей его действительности, об основной причине "русской хандры" Онегиных. "Хандра" Онегина - действительно "русская", поскольку она выросла на почве русской действительности. Но ее породили условия жизни верхушечных общественных слоев, оторвавшихся от остального народа; она сложилась в атмосфере "хладного разврата света". Ответ этот дается отнюдь не в прямой форме, а подсказывается специфическими средствами и приемами искусства - языком художественных образов и фабульных ситуаций (история двух встреч Онегина и Татьяны, контраст между героем и героиней, обусловленные этим драматические коллизии).

Подобно Онегину, подобно Ленскому, Татьяна-исключение из своей среды и подобно им - "исключение типичное" (термин историка В. О. Ключевского в отношении Онегина). Она - также представительница новой, молодой России. Как и Онегин, который "для всех... кажется чужим" и сам ощущает эту свою чуждость ("Для всех чужой" - письмо Татьяне), "она в семье своей родной казалась девочкой чужой" и мучительно ощущает это: "Вообрази: я здесь одна, никто меня не понимает" (письмо Онегину). Татьяна полюбила Онегина потому, что, как говорит поэт, "пора пришла", но не случайно, что полюбила она именно Онегина. Вместе с тем характер Татьяны сложился совсем в другой общественной среде, развился совсем в иной обстановке, в иных условиях, нежели характер Онегина. Татьяна, по словам поэта, - "русская душою, сама не зная почему". Но читателям Пушкин полностью раскрывает, почему это так. Татьяна (самое имя которой, впервые "своевольно" вводимое Пушкиным в большую литературу, влечет за собой неперенные ассоциации "старины иль девичьей") выросла, в полную противоположность Онегину, "в глуши забытого селенья" - в атмосфере русских народных сказок, поверий, "преданий простонародной старины". Детство, отрочество и юность Татьяны и Евгения прямо противоположны. У Евгения - иностранцы-гувернеры; у Татьяны - простая русская крестьянка-няня, прототипом которой, как прямо указывает Пушкин, была его собственная няня - Арина Родионовна, живой источник народности для самого поэта, "вознаграждавшая" недостатки его "проклятого воспитания", во многом, как уже сказано, аналогичного онегинскому. Там - ненормальный противоестественный образ жизни - обращение "утра в полночь", здесь - жизнь в полном соответствии с природой: Татьяна просыпается на рассвете; подобно крестьянским девушкам, первым снегом умывает "лицо, плеча и грудь". Там - "наука страсти нежной", цепь легких и скоро приевшихся, надоевших побед; здесь - мечты о настоящей, большой любви, об единственном суженном небом

избраннике. Правда, на эти мечты, как и на формирование всего духовного мира Татьяны, оказали существенное влияние иностранные романы - "обманы и Ричардсона и Руссо". Больше того, поэт сообщает нам, что его героиня "по-русски плохо знала... изъяснялася с трудом на языке своем родном"; письмо к Онегину пишется ею по-французски. Но в обрисовке образа Татьяны, который столь дорог и мил поэту, с неменьшей степенью, чем в обрисовке образа Онегина, к которому он умеет отнестись с такой критичностью, сказывается стремление быть полностью верным жизненной правде. Татьяна - высоко положительный, "идеальный" образ русской девушки и женщины, но этот образ - не просто объективированная мечта поэта, он не навязывается им действительности, а взят из нее же самой, конкретно историчен. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечесть хотя бы разговор Татьяны с няней при отправке письма Онегину. Здесь перед нами - "уездная барышня", помещицья дочка, глубоко и искренне привязанная к своей "бедной няне", образ которой связан в ее сознании и памяти со всем самым лучшим и дорогим в ее жизни. Татьяна зачитывалась иностранными романами, но ведь русских романов такой впечатляющей силы в ту пору до начала и даже до середины 20-х гг., еще просто не было. Она затруднялась выразить свои чувства к Онегину на русском языке, но ведь сам Пушкин печатно заявлял лет через пять после времени, к которому им отнесено письмо Татьяны, в 1825 г.: "Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных". В то же время поэт с помощью тонкого художественно-психологического приема раскрывает "русскую душу" Татьяны: в роман введен сон героини, насквозь пронизанный фольклором.

Мимо всего этого Онегин полностью проходит. Даже тогда, когда (в последней главе) в его охладевшем, давно "потерявшем чувствительность" сердце внезапно вспыхивает настоящее большое чувство, он увлекается не той Татьяной, какой она была "в деревне", "в глуши лесов", в окружении русской природы, бок о бок со старушкой няней - "не этой девочкой несмелой, влюбленной, бедной и простой". Этой Татьяной Онегин "пренебрегал"; останься она в той же "смирненной доле", пренебрег бы ею и сейчас. Он стал "томиться жаждою любви" к Татьяне, обрамленной великолепной блистательной рамой петербургских светских гостиных, - "равнодушною княгиней", "неприступною богиней роскошной, царственной Невы".

А ведь все лучшее в духовном облике Татьяны - ее высокое душевное благородство, искренность и глубина чувств, верность долгу, целомудренная чистота натуры - связаны - поэт ясно нам это показывает - с ее близостью к простому, народному. И ей самой "душно здесь", в той новой светской среде, в которой она и стала так мила Онегину; она ненавидит "волнение света"; презирает окружающую ее "постылой жизни мишуру", "ветошь" светского "маскарада" - "весь этот шум и блеск, и чад". Вот почему Татьяна, продолжая любить Онегина, и называет его вдруг загоревшуюся любовь к ней "мелким чувством". Здесь она и права и не права. Повод к внезапной вспышке этой любви был действительно "мелок" ("Запретный плод вам подавай, // А без того вам рай не рай", - с горькой иронией замечает в связи с этим сам Пушкин). Но Онегин полюбил Татьяну искренне и беззаветно; он "как дитя влюблен".

Термин "лишний человек" получил широкое употребление лет двадцать спустя после "Евгения Онегина" (с появлением "Дневника лишнего человека" Тургенева, 1850). Но это слово в применении к Онегину находим уже у Пушкина. В одном из беловых вариантов Онегин на петербургском светском рауте "как нечто лишнее стоит". Действительно, образ Онегина - первый в той обширной галерее "лишних людей", которая так обильно представлена в последующей русской литературе. Генетически возводя литературный тип "лишнего человека" к образу Онегина, Герцен точно определил ту социально-историческую обстановку, в которой складывался этот характер: "Молодой человек не находит ни малейшего живого интереса в этом мире низкопоклонства и мелкого

честолюбия. И, однако, именно в этом обществе он осужден жить, ибо народ еще более далек от него... между ним и народом ничего нет общего" (Герцен "О развитии революционных идей в России"). Возвращение Онегина в свет в последней главе романа, увлечение его "светской" Татьяной, сменившее пренебрежение к Татьяне деревенской, "народной" - своеобразное подтверждение этого положения Герцена.

Носитель передового общественного сознания, передовых освободительных идей, был далек от народа - в этом трагизм всего дворянского периода русского революционного движения. В этом причина декабрьской катастрофы, поставившей, по словам Герцена, перед всеми мыслящими людьми "великий вопрос" о преодолении этого разрыва.

В "Евгении Онегине", в том виде, в каком он был оформлен автором для печати, не только нет ответа на этот вопрос, но нет и прямой постановки его. Нет в романе и непосредственно политической тематики. Вместе с тем, даже и в этом виде, роман Пушкина о современной ему русской действительности, почти что о текущем дне, весь овеян дыханием современности. В трагических исходах индивидуальных частных судеб двух - каждого по-своему типичных - представителей русской молодежи XIX в., оторванных, далеких от народа, явственно сквозит общая проблематика эпохи.

Особенно остро и живо современники ощущали злободневную знаменательность гибели романтика Ленского. Убийством Ленского, по Герцену, - были как бы убиты "грезы юности" - поры "надежды, чистоты, неведения": "Поэт видел, что такому человеку нечего делать в России, и он убил его рукою Онегина, - Онегина, который любил его и, целясь в него, но хотел ранить. Пушкин сам испугался этого трагического конца; он спешит утешить читателя, рисуя ему пошлую жизнь, которая ожидала бы молодого поэта" (Герцен "О развитии революционных идей в России"). Однако Герцен не знал, что Пушкин, говоря перед этим о возможности для Ленского и другого, противоположного пути - "славы и добра", - намечал и еще один столь же выразительный его вариант: Ленский мог бы "быть повешен как Рылеев" (слова из пропущенной и обозначенной в тексте романа только цифрой, строфы, которая вследствие именно этих слов и не могла бы появиться в печати). Как видим, здесь уже открывается прямой просвет в тему декабризма. И этот просвет не случаен. В окончательном тексте лишь глухо упомянуто о политической настроенности Ленского - его "вольнолюбивых мечтах". В рукописях Пушкина этот мотив развит гораздо подробнее. Ленский характеризуется там как "крикун, мятежник и поэт"; его мечты выразительно определяются эпитетом "неосторожные"; упоминается об его "пылкой вере" в свободу, о том, что "несправедливость, угнетенье" вызвали в нем "негодование, ненависть и мщение", что его стих "одушевлялся гневною сатирой". В одной из строф, посвященных Ленскому (строфа VIII второй главы), содержится несомненный намек на деятельность тайных обществ (в печати соответствующие шесть строк были заменены точками). Весьма возможно, что не все из этих рукописных вариантов были отброшены Пушкиным по соображениям цензурного порядка. Но что эти соображения не могли не присутствовать - совершенно бесспорно. Но и независимо от этих вариантов, образ Ленского вызывал у некоторых современников характерные ассоциации: настойчиво указывали, в качестве его прототипа, на поэта-декабриста Кюхельбекера; "другим Ленским", "полным идей и фантазий 1825 года" и "задушенным грубыми тисками русской жизни", называл Герцен поэта-любомудра Дмитрия Веневитинова.

Еще более значительна попытка обращения автора "Евгения Онегина" к теме декабризма в связи с образом "главного лица" - Онегина. Развитие фабулы допускало это. Роман, как он был опубликован Пушкиным в составе восьми глав, не без оснований представлялся многим неоконченным; во всяком случае, в нем не было того, что обычно считалось концом: "Вы говорите мне: он жив и не женат, // И так еще роман не кончен", - не без иронии писал Пушкин в 1835 г.

в набросках ответа друзьям. Но и помимо отсутствия традиционной развязки, поэт, покинув своего героя "в минуту злую для него", не досказал даже того, чем эта минута - неизбежное объяснение с мужем Татьяны, заставшим Онегина в комнате жены, - закончилась. Между тем душевное состояние героя на протяжении последней главы романа существенно изменилось. Неожиданная, захватившая все его существо, страстная влюбленность в Татьяну, чем бы она ни была вызвана, произвела в нем благодетельный переворот, вернула "чувствительность" его сердцу, омолодила преждевременно постаревшую душу, наполнила его пустое и праздное существование содержанием и смыслом: влюбленный, "как дитя", Онегин даже "чуть... не сделался поэтом" подобно Ленскому. Последние слова Татьяны, отнявшие у Онегина этот смысл, погасившие всякую надежду на личное счастье, потрясли все его существо. В состоянии сильнейшего нравственного потрясения и "оставляет" Пушкин своего героя. Естественно возникал вопрос - как могло отозваться это страшное потрясение и на внутреннем мире Онегина, и на дальнейшем его жизненном пути? Этот закономерный читательский вопрос сформулировал Белинский в своем критическом анализе "Евгения Онегина": "Что случилось с Онегиным потом? Воскресила ли его страсть для нового, более сообразного, с человеческим достоинством страдания? Или убила она все силы души его, и безотрадная тоска его обратилась в мертвую, холодную апатию?"

Сам Пушкин в отношении Онегина подобного вопроса-дилеммы перед собой и перед читателями не ставит. Вместе с тем мы располагаем твердыми данными, что, по мысли поэта, Онегин должен был пойти по первому - героическому - пути. За год до окончания романа, в 1829 г., во время поездки Пушкина в Закавказье, на театр военных действий, и встреч его там с некоторыми из сосланных участников декабрьского движения, поэт рассказывал, что по "первоначальному замыслу" Онегин "должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов". В этом сообщении, помимо всего прочего, важно указание на то, что именно таким был уже первоначальный замысел Пушкина, который, однако, мог возникнуть, конечно, только после восстания декабристов. Об устойчивости же данного замысла свидетельствует то, что год спустя после рассказа о нем Пушкин снова попытался было к нему вернуться. Уже после того, как он счел было свой роман "по крайней мере - как он сам это указывал - для печати" законченным в составе девяти глав и подвел под этим черту (соответственный план-оглавление составлен Пушкиным 25 сентября 1830 г.), он, видимо, сразу же принялся за создание новой - десятой - главы.

Роковое финальное свидание Онегина с Татьяной произошло - это устанавливается совершенно точно, недаром Пушкин замечал, что все в его романе строго расположено "по календарю", - весной, примерно в марте - апреле 1825 г.; другими словами, действие последней главы отделено всего несколькими месяцами от восстания декабристов. Десятая глава непосредственно посвящена теме декабрьского восстания. До нас дошли только фрагменты первых семнадцати строк этой главы, дающих описание исторических событий и деятельности тайных обществ, предшествовавшей восстанию. "Славная хроника", - записал П. А. Вяземский в своем дневнике, когда Пушкин прочитал ему, по-видимому, именно эти строфы. В бумагах Пушкина периода болдинской осени имеется лаконичная помета: в день очередной лицейской годовщины 19 октября "сожжена" десятая глава. По этой записи трудно судить с полной определенностью, была ли написана Пушкиным вся глава, и, если нет, то как далеко продвинулось ее написание. Но совершенно очевидно, что дошедшие до нас фрагменты хроникального характера являлись только историческим введением, за которым должно было следовать дальнейшее развертывание фабулы романа, конечно, при обязательном участии его "главного лица": согласно с приведенным выше свидетельством самого Пушкина Онегин, очевидно, "должен был попасть в число декабристов".

Одним из основных творческих принципов Пушкина, лежащих в основе его

нового реалистического метода, было отсутствие произвольного авторского вмешательства в действия и поступки своих героев, которые должны вести себя не так, как вздумается автору, а в соответствии с их характером и условиями окружающей действительности. Этот принцип был замечательно осуществлен Пушкиным в "Евгении Онегине".

Прослеживая по рукописям историю создания Пушкиным его романа в стихах, мы видим, что порой поэт пытался придавать иной оборот ходу действия, развитию фабулы. Например, по одному из вариантов Онегин влюблялся в Татьяну при первой же встрече с ней в деревне. Но в процессе творческой работы поэт в данном случае, как и в ряде других аналогичных, отказался от этого, "поправил" себя действительностью, логикой созданных им в соответствии с нею характеров. Мог ли Онегин стать декабристом? - спрашивают некоторые советские исследователи и дают на этот вопрос безусловно отрицательный ответ. Но дело обстоит не так просто. В числе участников декабрьского движения были люди весьма различного душевного склада - и такие, как восторженный романтик Кюхельбекер, и такие, как автор дневника "Моя скука" Николай Тургенев. Однако их всех объединяло передовое сознание и критическое отношение к окружающей действительности, то есть то, что было присуще и Онегину, который, получив в наследство от дяди имение, сразу же "задумал" - облегчить положение своих крепостных крестьян: "Ярем он барщины старинной оброком легким заменил". Правда, он делает это, по ироническому замечанию Пушкина, чтобы чем-то занять себя - "чтоб только время проводить". Но все же предметом своего времяпровождения он избирает установление "нового порядка", а не что-либо другое. Недаром Пушкин даже обозначает в этой связи героя словами, которые затем применит к себе: "Свободы сеятель пустынный". Наличие у Онегина передового сознания - несомненно. Столь же несомненно и его критическое отношение к окружающему. Свидетельство этому - уже его уход из "света". Таким образом, участие Онегина в движении декабристов не противоречило исторической действительности. Но не противоречило ли бы оно его образу, логике его характера? Одно из основных свойств и качеств пушкинского реализма - верность героев своим характерам, но вместе с тем сами их характеры - не нечто раз навсегда данное, остановившееся, застывшее; наоборот, как и в самой жизни, они находятся в состоянии постоянного движения, развития. "Тоска сердечных угрызений", не оставлявшая Онегина с момента убийства друга, гнавшая его с места на место, возрождение любовью к Татьяне, "тоска безумных сожалений" о столь близком и возможном и навеки утраченном счастье, - все это не могло не оказать существеннейшего влияния на развитие заложенных в его характере добрых задатков, создавало несомненные предпосылки для новой формы проявления "прямого благородства" его души, перехода его на иную ступень страдания, "более сообразного с человеческим достоинством". Кроме того, помимо этих предпосылок, в основном субъективно-психологического порядка, Пушкин выдвигает и еще одну очень существенную объективную предпосылку.

"Томясь в бездействии досуга", Онегин пускается в "странствия без цели", подробное описание которых должно было составить содержание целой главы романа, так и названной поэтом "Странствие". В общем замысле пушкинского романа этой главе была предназначена очень важная функция. Во время своих "странствий" Онегин, подобно радищевскому путешественнику, маршрут которого, кстати, полностью включен в путешествия пушкинского героя, впервые непосредственно и широко знакомится с родной страной, с жизнью народа - и в ее героическом прошлом (посещение Новгорода, где еще "живы тени древних великанов" - следы столь идеализировавшейся декабристами древней русской вольности; песня волжских бурлаков про "удалые" дела Стеньки Разина), и в ее тяжком настоящем: центральное место в главе должно было занимать описание аракчеевских военных поселений. Описание это было дано Пушкиным с такой резкостью "замечаний, суждений, выражений", что не только

опубликовать его, но даже держат). у себя в рукописи оказалось невозможно, и оно до нас так и не дошло: очевидно, было уничтожено поэтом, подобно начатой им десятой главе. О том большом месте, которое было отведено этому описанию в составе главы и об исключительно важном значении, которое автором ему придавалось, можно судить по тому, что поэт, вынужденный отказаться от его обнародования, предпочел вынуть из романа и всю главу, без этого "слишком короткую и как бы оскудевшую" {3}. В особом приложении к роману была дана лишь небольшая часть этой главы под названием "Отрывки из путешествия Онегина". В предисловии к ним Пушкин приводил замечание Катенина, говорившего поэту, что исключение главы "вредит... плану целого сочинения; ибо чрез то переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, становится слишком неожиданным и необъясненным". Можно с уверенностью сказать, что не менее, если не более важную роль играла бы эта глава и для объяснения перехода от Евгения - "лишнего человека" к Евгению-декабристу.

Настойчивое намерение Пушкина сделать Онегина декабристом особенно наглядно показывает, какой жгучей злободневностью был проникнут замысел пушкинского стихотворного романа, какими крепкими нитями был он связан с важнейшими событиями и актуальнейшими общественно-политическими вопросами современности.

Если бы замысел Пушкина был осуществлен, на образ Онегина естественно легли бы новые краски, он выступил бы в существенно ином освещении. Поскольку этого не произошло, Онегин, каким он показан в романе, каким вошел в сознание читателей и критики, в историю русской литературы и русской общественной мысли, являет собой исключительно яркий образ "лишнего человека", "умной ненужности" (термин Герцена), впервые с такой правдой и полнотой художественно открытый Пушкиным. Такой образ, заключавший в себе широчайшее обобщение, был типичным не только для периода декабрьского восстания, но и для всего дворянского этапа русской революционности; отсюда он и стал родоначальником всех "лишних людей" последующей русской литературы.

В том же 1830 г., когда был закончен "Евгений Онегин", Пушкин в рецензии на "Юрия Милославского" Загоскина замечал: "В наше время под словом роман разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании". Полностью подходит под это определение и пушкинский роман в стихах. В "вымышленном повествовании" о жизненных путях и судьбах характерных представителей молодого поколения своего времени Пушкин с непревзойденной художественной убедительностью развернул "историческую эпоху" 20-х гг. XIX в., периода декабрьского восстания. Именно это давало право Белинскому назвать пушкинский роман в стихах, в котором поэт "умел коснуться так многого, намекнуть о столь многом, что принадлежит исключительно к миру русской природы, к миру русского общества", не только "энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением", но и "актом сознания для русского общества, почти первым, но зато каким великим шагом вперед для него!"

Изображение "исторической эпохи" - своей современности - Пушкин дал не только одним крупным планом; оно объемно, можно сказать стереоскопично. С такой же истиной, полнотой, верностью действительности и одновременно величайшей художественностью, как первый план, разработаны поэтом и ее задние планы - весь тот пестрый и многокрасочный фон, на котором четко выписывается основная сюжетная линия и рельефно выступают образы главных действующих лиц. Светский Петербург и Петербург трудовой, патриархально-дворянская Москва, поместная деревня, беглая и живая панорама всей "святой Руси": "селенья, грады и моря" ("Отрывки из путешествия Онегина"); общественная, публичная жизнь (театры, балы) и частный, семейный быт; великосветский раут и народные святочные гаданья, и работа крепостных

девушек в- помещичьем саду; кутящая "золотая молодежь" в модном столичном ресторане и крестьянин, едущий на дровнях по зимнему первопутку; сочные натюрморты во вкусе "фламандской школы" и тончайшие акварельные зарисовки сельской природы - весны, лета, осени, зимы... Ничего хоть сколько-нибудь подобного такому широчайшему, поистине "энциклопедическому" (и по полноте, и по предельной сжатости) охвату всех. сторон русской жизни, ее путей и перепутий, ее лицевой и ее оборотной стороны, ее парадных зал и ее углов и закоулков, - не было ни в одном произведении русской литературы до Пушкина. Гениальный поэт-живописец, Пушкин является здесь и художником-социологом, способным вскрыть и осветить не только причины "лишности", неприкаянности Онегиных, но даже четко сформулировать процессы, совершившиеся в русской крепостной экономике. Недаром Карл Маркс и Фридрих Энгельс в своих трудах ("К критике политической экономии" - Маркс, "Внешняя политика русского царизма" - Энгельс) упоминали соответствующие строки из "Евгения Онегина" {4}, а Фридрих Энгельс писал одному из своих русских корреспондентов: "Когда мы изучаем... реальные экономические отношения в различных странах и на различных ступенях цивилизации, то какими странно ошибочными и недостаточными кажутся нам рационалистические обобщения XVIII века - хотя бы, например, доброго старого Адама Смита, который принимал условия, господствовавшие в Эдинбурге и в окрестных шотландских графствах, за нормальные для целой вселенной. Впрочем, Пушкин уже знал это..." {5}. Энгельс имеет в виду ироническое замечание Пушкина в связи с попытками Онегина, который начитался весьма популярного тогда Адама Смита, внушить отцу, что ему нет нужды в деньгах, раз он получает со своих крепостных поместий "простой продукт":

"Отец понять его не мог и земли отдавал в залог". Пушкин, таким образом, отмечает проникновение денежных, капиталистических отношений в русское крепостническое хозяйство. Это же место пушкинского романа припоминает и Маркс.

В стихах Пушкина, справедливо замечает Добролюбов, продолжая в этом отношении высказывания Белинского, "впервые открылся нам действительный русский мир". "Открытие" в "Евгении Онегине" русской действительности - русского мира - имело не только важнейшее познавательное значение, но и было связано с целым переворотом в области традиционных эстетических представлений и понятий, с замечательным расширением границ самого предмета художественного изображения, круга явлений действительности, достойных поэтического отображения, допускаемых в сферу искусства. Во время Пушкина бытовали представления, сложившиеся еще в эпоху классицизма, о том, что предметом поэзии должно быть только "высокое", "возвышенное" - "изящная" природа; наоборот, "низкая природа", - все обыденное, "прозаическое" - находится за пределами художественной литературы. Исключение делалось только для сатирических жанров, поскольку их целью было не воспевание, а обличение.

Автор "Евгения Онегина", произведения в целом отнюдь не сатирического рода, с первой же его главы - и чем дальше, тем все энергичнее - сознательно и демонстративно стирает всякие различия между "изящной" и "низкой природой". В его роман, наряду с "поэзией", хлынула широким потоком и "проза" - жизнь, как она есть, со всеми ее красками и оттенками, с праздничным и с обыденным, патетическим и смешным, трогательным и ничтожным, высокими поэтическими порывами и житейским "пестрым сором" - "прозаическими бреднями", мелкими будничными дрызгами, бытовыми деталями. Этой "прозе" автор "Евгения Онегина" умеет сообщить высокое поэтическое достоинство; умеет, говоря словами Добролюбова, "представить... ту самую жизнь, которая у нас существует, и представить именно так, как она является на деле", "не компрометируя искусства".

Сам Пушкин, резюмируя отзыв о нем одного из критиков-современников, назвал себя "поэтом действительности". Единственным в своем роде образцом

поэзии действительности - реалистического искусства слова и является пушкинский роман в стихах.

В осуществлении своего в высшей степени новаторского творческого замысла поэту пришлось пойти совершенно новыми, непроторенными путями. Строфы Онегина полны полемики со всеми действовавшими в ту пору основными литературными направлениями, школами и традициями (классицизмом, сентиментализмом, романтизмом - и пассивным, и активным, - почти всеми типами западноевропейского романа). Для "поэзии действительности" необходимо было создавать новые способы и средства выразительности, применять и разрабатывать новые художественные приемы, наконец, соответственным образом преобразовывать самый материал искусства слова - русский литературный язык.

И в пушкинском стихотворном романе этот гигантский литературно-художественный "подвиг", как справедливо назвал многолетний труд над "Евгением Онегиным" сам Пушкин, был автором совершен. Реализму содержания "Евгения Онегина" органически отвечают все элементы его художественной формы. Изображению полноты жизни, сложности и многообразия ее проявлений, различным ее оттенкам и переходам соответствуют "пестрые главы" романа - "полусмешные, полупечальные, простонародные, идеальные".

Язык "Онегина" использует все богатство и многообразие языка, все стихии русской речи и потому способен охватить различные сферы бытия, выразить все многообразие действительности. Точно, ясно и просто, без излишних поэтических украшений - ненужных "дополнений", "вялых метафор", - обозначающий предметы "вещного" мира, выражающий мысли и чувства человека и вместе с тем бесконечно поэтичный в этой своей простоте, слог "Онегина" является замечательным орудием реалистического искусства слова. В установлении нормы национального литературного языка - одна из важнейших задач, осуществленных творческим гением Пушкина, - роману в стихах принадлежит исключительно важное место.

С целью вместить в свое произведение все многообразие действительности и вместе с тем сообщить ему необходимое единство, Пушкин применяет в своем романе и соответствующую стихотворную форму. "Евгений Онегин" не только делится Пушкиным на более или менее равномерные главы (обозначение, подчеркивающее романский характер произведения; Байрон в "Дон-Жуане" пользуется обычным для поэмы термином: "песня"), но и написан строфами, однако не традиционной итальянской октавой, как байроновский "Дон-Жуан", а специально созданной Пушкиным, почти вдвое большей октавы - четырнадцатистишной, так называемой "онегинской строфой". В движении пушкинского романа каждая строфа является не только ритмической, но и смысловой единицей; будучи тесно связана с предшествующими и последующими строфами, как и с контекстом всего произведения, она вместе с тем представляет собой нечто целостное, законченное и по своему содержанию.

Исключительно большое место занимает в романе лирический голос, а значит и внутренний образ поэта. Зеркало исторической эпохи, "Евгений Онегин", и в этом его и своеобразие и особая прелесть, одновременно - зеркало внутреннего мира самого поэта. "Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здесь его чувства, понятия, идеалы", - замечает в связи с этим Белинский. Но при столь сильно выраженном авторском присутствии отношение в "Евгении Онегине" между субъективным и объективным началами - автором и его героями, изображаемой им действительностью также носит принципиально новый характер, соответствующий новому реалистическому качеству пушкинского романа в стихах. Поэт отнюдь не равнодушен к героям своего произведения, ко всему, о чем в нем рассказывается, в его попутных суждениях, высказываниях, оценках - итог всего им пережитого, передуманного, перечувствованного - "ума холодных наблюдений и сердца горестных замет". В то же время за ними все время ощутим человек не только большого, горячего сердца, но и передовых понятий и идеалов, стоящий в "просвещении" наравне со своим веком, не только

современник, но и друг, брат, товарищ декабристов. С этих передовых позиций поэт судит и осуждает отживающее, отсталое, косное - традиционные верования, привычные представления, лицемерную мораль - все вековые устои старого феодально-крепостнического мира.

Но сколь ни ощутимо в "Евгении Онегине" авторское начало, это не ведет, как у сентименталистов и романтиков, к произвольному смешению субъективного и объективного планов, к подмене одного другим. В романе выражено "сознание" автора, но наряду с этим ярко предстает в нем и не зависящая от сознания поэта объективное "бытие". Действительность дана не в субъективных авторских оценках, даже не только в качестве объекта авторского рассказа, она как бы живет в романе своей собственной жизнью, сама рассказывает о себе, звучит всеми своими голосами. Это было едва ли не самой замечательной победой автора "Евгения Онегина" как писателя-реалиста, осуществленной с помощью целого ряда тончайших и разнообразнейших художественно-стилистических приемов.

Новаторство Пушкина особенно рельефно проявляется в приемах обрисовки героев. Образ Онегина выступает перед нами из его речей, размышлений, приобретающих подчас характер внутреннего монолога, разговоров, реплик, письма и т. д.; предполагал было Пушкин ввести в роман и "альбом"дневник Онегина, для которого заготовил ряд характерных афоризмов героя - его "мыслей, примечаний". Примерно так же характеризуется и Татьяна. Употребляется Пушкиным и еще один выразительный способ характеристики - обрисовка духовной жизни героя книгой - кругом чтения. Прибегает Пушкин и к приему своеобразной материализации внутреннего мира героя, наглядно характеризуя его обстановкой, вещами (кабинет-"уборная" Онегина периода его петербургского светского существования и его же деревенская "модная келья"; старинный "покой" дяди Онегина).

Характеристики героев даются повторно и самим автором, подчас по несколько раз, в соответствии с теми изменениями, которые в них происходят, с развитием их характеров. С целью наивозможно большей объективизации образа, Пушкин показывает героя не только таким, каким сам его видит, а и таким, каким видят его окружающие - другие персонажи романа. Так, Онегин показан глазами его деревенских соседей, "светской черни", двойным - то чрезмерно идеализирующим, то слишком снижающим - восприятием Татьяны. Татьяна - глазами Онегина, Ленского, московских кузин, "архивных юношей" и т. п. Мы не только узнаем от автора об этих различных восприятиях, мы их непосредственно слышим. Поэт неоднократно драматизирует повествовательную ткань. В романе непосредственно звучат голоса его персонажей - их живая характерная речь. Все эти многообразные приемы всесторонней реалистической характеристики будут усвоены и развиты последующей нашей литературой. Но впервые и с непревзойденным художественным мастерством разработаны они были в "Евгении Онегине".

Именно в романе в стихах художественное мастерство Пушкина проявляется едва ли не с предельным блеском. Роман писался в течение весьма длительного времени. Изменялась - порой весьма существенно - воспроизводимая в нем действительность. Развитие романа отражало развитие соответствующих общественных прототипов. 14 декабря явилось рубежом между первой и второй частью романа. Так и воспринимали творение Пушкина наиболее чуткие и передовые современники. "Онегин, который вступил в жизнь с улыбкой на устах, с каждой песнью становился все более и более мрачным..." - отмечал Герцен.

От главы к главе "Онегина" гигантскими шагами шел вперед, творчески рос, созревал сам поэт. В то же время он сумел сообщить своему произведению такую художественную целостность и единство, что его воспринимаешь, как написанное одним духом, одним творческим порывом. Мало того, первоначальный замысел Пушкина был резко искажен по причинам, от поэта не зависевшим (вынужденное изъятие из него целой главы, ряда строф). Но даже тому, что

роман принудительно оказался "без конца" (уничтожение десятой главы), поэт сумел придать глубочайший идейно-художественный смысл. "Что же это такое? Где же роман? Какая его мысль? И что за роман без конца?" - передает Белинский критические толки вокруг "Онегина" и отвечает на них: "Мы думаем, что есть романы, которых мысль в том и заключается, что в них нет конца, потому что в самой действительности бывают события без развязки, существования без цели, существа неопределенные, никому не понятные, даже самим себе..."

В творчестве самого Пушкина "Евгений Онегин" сыграл исключительно важную роль. Пушкинский роман в стихах и по жанру, и по содержанию, и по небывалой дотоле широте художественного охвата действительности, - органическое соединительное звено между Пушкиным 20-х и Пушкиным 30-х гг. - Пушкиным-поэтом и Пушкиным-прозаиком, Пушкиным "Руслана и Людмилы" и южных поэм и Пушкиным "Повестей Белкина", "Пиковой дамы", "Капитанской дочки".

Огромно значение "Евгения Онегина" и для развития последующей русской литературы. В "Онегине" началось и получило наиболее глубокое и всестороннее выражение становление нового, реалистического метода. Современная Пушкину реакционная критика пыталась всячески умалить роман Пушкина. С позиции "официальной народности" критики этого рода нападали на Пушкина за то, что он сосредоточился в своем романе по преимуществу на изображении дворянского быта, сделал главным героем светского человека. Против этого решительно выступил Белинский, который, наоборот, объявил великим достоинством пушкинского романа то, что в нем была отражена жизнь наиболее передовых кругов русского общества, пережитая этими кругами большая историческая трагедия. "Он, - писал Белинский об авторе "Евгения Онегина", - любил сословие, в котором почти исключительно выразился прогресс русского общества и к которому принадлежал сам, - и в "Онегине" он решился представить нам внутреннюю жизнь этого сословия, а вместе с ним и общество в том виде, в каком оно находилось в избранную им эпоху, то есть в двадцатых годах текущего столетия". Вместе с тем критик находил в романе и образцы замечательного проникновения поэта в жизнь и душу простого народа - крестьянства. Полностью приведя рассказ няни о своем замужестве, Белинский восторженно восклицал: "Вот как пишет истинно народный, истинно национальный поэт". Критикам - поборникам "лапотно-сермяжной народности", называвшим Пушкина "по преимуществу поэтом большого света или, что все равно, поэтом будуарным", Белинский противопоставил свое понимание "Онегина", как "чисто русского", "в высшей степени народного, национального произведения". Определения эти полностью оправданы. В центральных образах пушкинского романа в стихах были даны типические обобщения существенных явлений жизни русского общества такой силы и глубины, что они сохранили надолго значение своего рода литературных образцов, эталонов. "Образ Онегина, - писал об этом Герцен, - настолько национален, что встречается во всех романах и поэмах, которые получают какое-либо признание в России, и ни потому, что хотели копировать его, а потому, что его постоянно находишь возле себя или в себе самом" (Герцен. "О развитии революционных идей в России").

Больше того, насыщая свой роман, посвященный изображению "внутренней жизни" лучших представителей дворянского "сословия" передовыми идеями, утверждая в нем реалистическое воспроизведение действительности, раздвигая границы "предмета" искусства, вырабатывая нормы национального литературного языка, Пушкин дал могучий толчок тому процессу демократизации художественной литературы, тенденции которого начали проявляться уже в предшествовавшей литературе и который составил основную, магистральную линию всего последующего литературного развития.

Одним из наиболее значительных выражений демократизации литературы было все большее утверждение и развитие в ней прозаических повествовательных жанров. "Евгений Онегин" явился и выражением и мощным дальнейшим стимулом

этого процесса. Вершина и итог всей предшествовавшей ему новой русской литературы - литературы по преимуществу стихотворной, пушкинский роман в стихах стоит у истоков самого значительного явления русской литературной классики - русского реалистического романа в прозе.

Наконец с "Евгением Онегиным" связан важнейший переломный момент в отношениях между русским литературным развитием и движением всей мировой литературы. Начав развиваться позднее других основных западноевропейских литератур, новая русская литература до Пушкина отставала от них по уровню, хотя и превосходила их по темпам своего развития. В творчество Пушкина темпы и уровень пришли в соответствие. Развиваясь в том же направлении, в каком развивалась современная ему мировая литература - через романтизм к реализму - автор "Евгения Онегина", главы которого стали появляться раньше таких классических образцов западноевропейского реализма XIX в., как романы Стендаля и Бальзака, оказался передовым на этом пути, первым совершил художественное "открытие действительности" в мировой литературе. "Евгением Онегиным" начинается тот процесс блистательного расцвета русской классической литературы, который вывел ее к концу XIX - началу XX в. на признанно ведущее место в ряду всех других европейских литератур.

1) "Маркс и Энгельс об искусстве", М. 1957, т. I, стр. 11.

2) Там же, стр. 8-9.

3) Обо всем этом стало известно только из опубликованного в советское время письма П. А. Катенина биографу Пушкина П. В. Анненкову. См. П. А. Попов, Новые материалы о жизни и творчестве Пушкина. "Литературный критик", 1940, N 7 - 8, стр. 231.

4) "К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве", М. 1957, т. I, стр. 535-536.

5) Там же, стр. 536.

Д. Благой